

ИЛЛЯ БУШМИН

Схема убийства

Илья Бушмин

Схема убийства

«Издательские решения»

Бушмин И.

Схема убийства / И. Бушмин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747882-7

Экс-полицейский Сергей Маслов получает возможность подзаработать. Нужно всего-то проследить пару дней за одним человеком... Подработка оборачивается адом — и вот уже на Маслова объявлена самая настоящая охота. Скрываясь и от бывших коллег, и от идущих по его следу наемных убийц, Маслов должен совершить невозможное и распутать заговор, в эпицентр которого он угодил.

ISBN 978-5-44-747882-7

© Бушмин И.
© Издательские решения

Содержание

Маслов	6
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Схема убийства

Илья Бушмин

© Илья Бушмин, 2016

ISBN 978-5-4474-7882-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

...Говорят, перед смертью человек вспоминает всю свою жизнь. Наверняка вы слушали об этом, правда? Так вот знайте – это неправда.

Ничего не прокручивалось перед глазами, как проматываемая назад киноплёнка. В мозгу не вспыхивали яркими вспышками ключевые моменты моей жизни. Улыбка мамы, первый поцелуй, первое предательство. День, когда научился плавать. Или первая бутылка, выпитая украдкой за гаражом с пацаном из соседнего подъезда... Нет, все не так. Испуская дух, ты ощущаешь только себя. Когда приходит дух смерти, он наполняет новым смыслом все твоё существо. И в этот миг ты становишься другим. Тем, кем всегда хотел быть, но всегда что-то мешало. Дела, работа, какая-то бессмысленная беготня, дразги и прочее...

Кем? Тем, кого искал всю жизнь. Самим собой. Потому что все остальное, чем ты жил прошедшие годы, перестаёт иметь какой-либо смысл.

Вот что я чувствовал, лежа в мокрой чавкающей грязи и широко распахнутыми глазами таращась на бьющие с небес потоки дождя. Они заливали лицо, глаза и кровоточащую сквозную рану, которая совсем не болела. А все вокруг – эта вода, эта низкая туча, эта грязь и даже я сам – вдруг стало таким настоящим, что у меня захватило дух.

В детстве я любил смотреть на небо. На дневное небо с бегущими по нему облаками, которые жили собственной жизнью, меняясь на глазах, и безмятежно ползли одной им известной дорогой. Иногда мне казалось – точнее, я хотел верить – что символы, которые я угадываю в очертаниях того или иного облака, являются знаками, посланными мне с небес. Это было захватывающе. Но больше всего я любил звездное небо. Бескрайнюю тьму за окном, тихой ночью, когда весь город спит, а ты таращишься на далекие точки, которые пробуждают что-то смутное, неясное, но волнующее в душе.

А когда я вырос, то, перестал смотреть на небо. Как и все, я стал смотреть вниз, на мусор и грязь.

И вот сейчас то небо вернулось. Настоящее, бескрайнее и искреннее.

Хотя знаете... Пусть вся жизнь и не пробежала у меня перед глазами, но кое-что я все-таки вспомнил. Валяясь в грязной жиже, засасывающей меня, словно болото, я вспомнил Ольгу.

Ведь вся эта история началось именно с нее.

Стоп! Нет. Не с нее.

Для меня все началось в тот день, когда появился Грач...

Маслов

– Мужчина, с пивом нельзя.

– А?

Хмырь повернул ко мне физиономию, не обремененную интеллектом. Я кивнул на бутылку в его руке:

– Сюда с бутылкой нельзя. Снаружи урна.

Хмырь набычился, возможно, рассчитывая поспорить, но посмотрел на меня и не стал. Годы работы в органах сделали свое – фирменный ментовской взгляд я умел включать автоматически. Хмырь что-то пробубнил себе под нос и поплелся к дверям, послушно раздвинувшимися перед ним и впустившим в охлажденную кондиционерами галерею жаркий июньский воздух.

Я двинулся назад, к Стасу, восседавшему на высоком барном стуле у стены.

– Вай-фай барахлит, зараза... – бормотал Стас. – То ловит, то не ловит. Черт...

– Не весь еще интернет сожрал?

– Вот если ты, Серег, динозавр, то молчал бы, не позорился, – огрызнулся тот, уткнулся в мобильник и тут же обрадовался: – О, заработал, все деления! Другое дело.

Стас – мой напарник. Наша территория – фойе «Таун Плазы». Крупный для нашего города четырехэтажный торговый комплекс, который расположился в центре города. Впрочем, «Таун Плазой» его называли разве что в рекламных роликах по ящику, потому что для персонала, для покупателей, а также для вообще всего города это здание как было, так и оставалось Домом Быта. Хотя на тот, построенный в 70-х годах городской универсам бытовых услуг, отремонтированное здание, казавшееся замком из стекла и бетона, походило мало.

– О, смотри, – засуетился Стас. – Про нас написали!

– Про нас?

– Ну, про Дом Быта. Помнишь, на той неделе в шахте лифта кошелек с советскими рублями нашли?

– Хм.

– Хозяйку вычислили. Потеряла кошелек этот лет 30 назад. Как нашли-то, интересно? По отпечаткам, что ли? – Стас ухмыльнулся, – Может, она эта, как ее – рецидивист с тремя ходками?

– Твоя очередь, – бросил я и кивком головы заставил Стаса уступить место. Взмахнув дубинкой и поправив фуражку, Стас отправился на патрулирование. До поворота к секции обувных магазинов и назад. 80 метров.

Я работал здесь охранником почти пять лет. Работа была непыльной, с нормальной зарплатой. Ну, как нормальной – не как у чиновников, конечно, но на жизнь мне, 43-летнему холостяку, вполне хватало. Да и с напарником повезло. Мы со Стасом работали почти три года. Он был, как и я, бывшим ментом, который не смог пройти переаттестацию, а потому должен был уйти из органов.

В торговый комплекс вошла шумная толпа подростков. Гогоча и ни на кого не обращая внимания, двинулась по галерее вглубь здания. Я осмотрелся и, поняв, что все чисто и можно на минутку отлучиться, двинулся к торговому автомату. Тот находился в фойе – между галереей и выходом на улицу. Порывшись в кармане, я не нашел мелочи. Запихнул в автомат купюру, нажал нужную кнопку и получил свою минералку без газа. Откупоривая холодную пластиковую бутылку, я бросил взгляд в сторону улицы, где кипела жизнь. Центр города, как никак. Бросил взгляд – и замер.

За широкими раздвижными дверями, перед фасадной стороной «Таун Плазы», всегда толпились люди. Учитывая близость центрального городского рынка, до восточных ворот кото-

рого было метров 50, не больше – ничего удивительного. Раньше, еще в мою бытность ментом, здесь ошивались валютчики и скупщики золота. Валютчиками были сомнительные личности, в основном цыгане, которые приставали к прохожим, предлагая обменять доллары или евро «по самой выгодной цене». Но потом за менял взялись ребята из БЭПа – отдела по борьбе с экономическими преступлениями. Провели несколько рейдов, посадили парочку менял, и те испарились. Но если пропали валютчики, то скупщики золота никуда не делись. И БЭП почему-то не проявлял к ним никакого интереса. Может быть, потому что кто-то кому-то приплачивал. Так или иначе, перед «Таун Плазой» ежедневно паслись парочка-тройка скупщиков золота.

Одним из таких скупщиков был Коробок. Все так его называли, и я не знал, почему. Коробок был туповатым, причем туповатость странным образом сочеталась в нем с хитростью. Сейчас Коробок был на своем посту, и он был занят – увлеченно разговаривал с человеком. Собеседник Коробка был плечистым, с залысинами, мясистым носом...

Это был Грач.

Я тарасился на него, позабыв про воду. Сколько лет не виделись. Здесь, в центральном магазине города, можно было встретить кого угодно, но я почему-то не был готов увидеть этого человека из своего прошлого.

Коробок что-то эмоционально объяснял Грачу. Словно оправдывался. Грач деловито слушал его, иногда кивал. Затем бросил что-то – и Коробок снова принялся объяснять, жестикулировать и оправдываться.

Будто почувствовав, Грач повернул голову и посмотрел сквозь стеклянные двери торгового центра прямо на меня. Я растерялся. Видел ли он меня? А если да, то что сделать – кивнуть? Но Грач избавил меня от сомнений, отвернувшись и снова принявшись слушать Коробка и изредка кивать ему.

Заходя в галерею «Таун Плазы», я обернулся. Между спинами выходящих из здания людей различил силуэты Коробка и Грача. Коробок поспешно отсчитывал мятые купюры, чтобы передать их Грачу.

– Чего башку вывернул?

Это был Стас, вернувшийся со своего обхода и уже восседавший на стуле. Я не ответил, лишь покачал головой, но Стас настаивать не стал – он выудил из кармана сотовый телефон и снова принялся тыкать кнопки, уткнувшись в дисплей.

Грач – это была не кличка. Самая что ни на есть фамилия. Его звали Аркадий Грач и когда-то, в детстве, он был моим соседом. Грач жил в доме напротив. Он был на пару лет старше меня и был лидером компании местных пацанов, в которой мне не было места. Не потому, что мы повздорили или что-то еще – скорее, так исторически сложилось. Иногда пересекались, здоровались, но каждый жил своей жизнью.

Потом Грач пропал. Я тогда учился в старших классах и ломал голову над тем, кем мне стать, учитывая, что денег на институт у моих родителей не было. Они, родители, всегда были бедными, почти нищими, и не выбирались из долгов с тех пор, как светлым умам в столице пришло в голову строить демократию. Позже от приятелей узнал, что Грача за что-то посадили. Он стал одной из жертв 90-х – подался в бандиты, но прогорел.

А потом была армия. Отдав государству, которое подарило мне нищее детство, свой гражданский долг, я снова стал ломать голову над тем, кем стать. Решение было простым. Тогда в газетах (хотя, может, и сейчас происходит то же самое?) периодически размещались объявления о наборе в органы внутренних дел. Для молодых людей, отслуживших в армии. Я был как раз таким. Это был шанс заполучить хоть какую-то работу, и уже на следующий день я отправился в отдел кадров местного ОВД.

В родительском доме я прожил всю жизнь. Обитал там и сейчас, только один, потому что родители – я был поздним ребенком, трудности и жизнь, похожая на карабканье по отвесной скале, в стремлении дать единственному сыну хоть что-то, подточили их и без того слабое

здоровье, и они уже были напрочь больными пенсионерами, когда я только закончил школу – умерли много лет назад. Я продолжал обитать в отчем доме. Поэтому ничего удивительного не было в том, что через несколько лет я снова увидел Грача.

Он отсидел восемь лет. Как оказалось, за разбойное нападение. А я уже носил погоны. Ничего удивительного, что мы лишь сухо поздоровались, перекинулись парой ничего не значивших фраз из серии «Ну, как ты?» и «Да ничего, а сам?» и разошлись, стараясь больше не попадаться друг другу на глаза.

Через пару лет Грач исчез. К тому времени мои старые дворовые приятели разъехались кто куда – одни создали семьи, другие и вовсе разъехались покорять другие города, а более удачливые – даже, поговаривают, и другие страны. Ну, знаете, как это бывает. На довольно короткий в исторических масштабах срок в моих стенах появилась Ольга – девушка, которая в дальнейшем стала моей женой. Потом были ссоры, обиды, развод, и я снова остался один. Ничего необычного, проза жизни. Потом была переаттестация, и правоохранительные органы, которые являлись в свое время серьезной причиной для ссор с Ольгой, тоже стали перевернутой страницей.

Как занятно устроена жизнь. Когда-то каждый из нас думал, что впереди – полная успехов красная дорожка, которой наверняка будет устлан твой путь. Ну, наверняка так и будет, ведь мы – хорошие, правильно? И неважно, что соседка нас ненавидит, начальство недолюбливает, а в маршрутках некоторые бросают на нас почему-то презрительные взгляды. Все равно для каждого из нас мы – хорошие. Но у жизни свои планы. И вот ты видишь, как сначала распадается твой брак, потом тебя за ненадобностью увольняют с работы – а потом ты смотришь по сторонам и обнаруживаешь, что тебе 43 года, что ты одинокий никому не нужный холостяк, работающий охранником и просто доживающим свой век. Есть в этом что-то трагичное. Ну, знаете, когда вдруг понимаешь, что жизнь-то – что она вроде бы была, была, а потом оказывается, что взяла и прошла мимо, а ты остался где-то в обочине.

Неприятно.

Но вернемся к Грачу. В очередной – и при этом в последний – раз я видел его... дайте вспомнить... десять лет назад. Да, примерно десять лет назад. Мы с Ольгой тогда только поженились, много улыбались и, кажется, любили друг друга. Ну, или хотели в это верить. Я работал (правильнее будет – служил) милиционером-водителем в ГНР. Группа немедленного реагирования при дежурной части, которая отправляется на срочные выезды на место преступления. Или на место задержания. Или и на то, и на другое одновременно.

Я хорошо помнил ту ночь. Я крутил баранку, врубив сирену, и наш экипаж несся по разбитым и унылым темным улицам, прокладывая себе путь сквозь темноту мерцающим красносиним проблесковым маячком и оглашая погруженные во мрак улицы протяжным и тревожным воем.

– Понял, Кречет, – буркнул сидевший рядом с нами старший наряда в микрофон рации и обернулся к остальным. – Разбой. С огнестрелом. Продавца из обреза подстрелили и кассу выгребли. Местный наряд там уже.

В нашей группе было трое. Милиционер-водитель – то бишь я. Старший наряда. И пацан лет двадцати с небольшим, только недавно закончившим школу милиции и бывший еще совсем необстрелянным птенцом на этих мрачных улицах.

– Блокируем территорию, – скомандовал мне старший.

– Парковый проспект, 21? – кивнув, уточнил я адрес. – Это же стекляшка около парка?

– Она самая. Наверняка уроды в парк и двинули.

– Они на колесах?

– Ничего неизвестно пока.

Я пораскинул мозгами.

– Если они двинули в парк, то уже наших засекли. И тогда постараются с другого конца парка выйти и разбежаться. Не в парке же им отвисать и ждать, когда мы его за пять минут блокируем и прочесывать начнем.

– Что предлагаешь? Зайти с Кичигина?

Я кивнул и на ближайшем перекрестке крутанул руль вправо.

Впереди черной стеной уже маячил массив растянувшегося на полквартала парка, когда рация прохрипела:

– Кречет, всем нарядам. Парковый, 21, новая информация. Подозреваемые были на автомобиле. Передвигаются на серой ВАЗ-21099, госномер неизвестен. Как поняли, прием, – рация в ответ проскрипела на разные лады, после чего диспетчер снова забубнил сквозь помехи: – Повторяю, передвигаются на серой...

В этот момент я свернул к парку. Грустно скачущий луч света от фар нашей «канарейки» выхватил зад серой 99-й, проворно шмыгнувшей во двор сталинки напротив парка.

– Двор слева, это они! – поневоле возбужденно крикнул я и вдавил в пол педаль газа. – Хотят в частнике затеряться!

Я не пошел следом, отлично зная – почти 12 лет на этих улицах! – этот двор. Он был длинным, сквозным и выходил на параллельную улицу, за которой открывался темный, похожий на лабиринты массив частного сектора. Поэтому я рванул в объезд, не забыв вырубить сигнализацию – теперь наше присутствие выдавал только рвущийся на крыше проблесковый маячок.

– Давай, Маслов, давай! – заерзал старший и схватил микрофон рации: – Кречет, это 32 —9, засекли подозреваемых! Кичигина, дом 41! Могут уходить к Мельничной! Давайте всех сюда, как понял!

На всех порах – на повороте лишь навыки помогли избежать заноса – мы пронеслись к перекрестку и рванули вокруг квартала. Заезд слева был тупиковым. Следующий вел во двор, границы которого были огорожены бетонным блоком. Поэтому ближайшим местом, где 99-я могла выйти из лабиринтов внутри квартала, была 5-этажка на углу Мельничной и Локомотивной. Когда мы выскочили на второй перекресток, где-то вдалеке виднелась уносящаяся машина.

– Вон они, суки! – заорал старший.

– Это иномарка, рисунок фар другой! – отрезал я и настырно свернул во дворы.

Я оказался прав. Как только мы завернули во двор, прямо перед нами всплыла та самая ВАЗ-21099. Завизжали тормоза, и мы замерли в трех метрах друг от друга – нос к носу.

Я ткнул кнопку, и та огласила темный двор угрожающим кряканьем. Но 99-я не собиралась сдаваться просто так. Взревел двигатель, и машина рванула задним ходом прочь от нас.

– Мельничная, 58, они здесь! – ревел старший в микрофон рации, дергая с плеча автомат. – Прямо перед нами!

Я дал газу и попер следом. Именно попер, практически упираясь в передний бампер 99-й, едва не тараня ее. Это дало свой результат: стресс, преследование, напор, плюс темнота. Водитель ВАЗа не рассчитал поворот, который он должен был сделать, когда асфальтовая дорожка вдоль дома делала поворот вглубь двора, и в итоге автомобиль врезался багажником в металлический забор.

– Давайте! – крикнул я.

Старший и пацан, нервно дрожавший сзади, выскочили из машины. Беря лобовое стекло на прицел, старший заорал, чтобы все выходили с поднятыми руками – иначе он открывает огонь.

Подозреваемые подчинились. Открылись дверцы – сначала водительская, потом пассажирская – и из ВАЗ-21099 выбрались двое. Они шурились от света фар патрульного авто,

бьющего им прямо в лицо. Но я сразу узнал в пассажире своего старого знакомого – когда-то соседского пацана, а теперь бывалого разбойника Грача.

Старший и пацан, держа обоих на мушке, положили их грудью на капот. Быстро обыскали: старший водителя, пацан – Грача. К этому времени сзади затарахтела крякалка, прибыло подкрепление. Наш старший сунулся на заднее сиденье и выудил оттуда обрез, держа его над головой:

– Ствол здесь!

В отдел их везли в двух машинах. Водителя забрал второй наряд, а наши старший и пацан погрузили Грача с закованными в наручники запястьями на заднее сиденье нашего экипажа. Все это время я не высовывался из машины, потому что не хотел показываться на глаза Грачу. Да и кто бы хотел. Все-таки, сосед, знакомый с раннего детства... Но теперь пришлось. Грач сидел под охраной пацана и злобно тарасился перед собой, изредка косясь на пацана, на старшего, на меня... Он видел лишь мой затылок, но потом так вышло, что мы встретились взглядами в зеркале заднего вида. Грач обомлел, немедленно меня узнав.

– Мда, – сказал он. – Ну, здорова.

Я промолчал. Старший нахмурился:

– Вы что, знакомы?

– Вроде того, – буркнул я, и всю оставшуюся дорогу до ОВД не проронил ни слова. Я чувствовал, что Грач не сводит глаз с моего затылка, но снова встречаться с ним взглядами я не собирался.

На узкой парковке перед отделом я припарковался перед самым входом. Вышел и сразу же закурил, потому что больше всего хотел сейчас курить. Грача оставил на попечение старшего и новичка, потому что моя работа, собственно, доставкой группы с задержанным в ОВД и ограничивалась. Старший сразу же скрылся в дверях отдела. Тем временем пацан выволок Грача из машины. Грач растянул губы, скалясь мне. Тут уж пришлось посмотреть ему в глаза.

– Молодец, Серега, – бодро проговорил он. – Ты хороший водила. Взял меня. Странно жизнь складывается, а?

– Странно, – отозвался я.

Пацан потянул Грача за локоть, увлекая его к дверям ОВД. Грач вперил в него издевательский взгляд, а потом опустил руки вниз.

– Недавно в ментуре, а? Давай-как я тебе сейчас кое-что покажу.

Он поднял полы куртки и коротким движением сорвал с ремня раскладной нож, крепившийся к нему клипсой. Щелк – и лезвие распахнулось в его руке. Я остолбенел от неожиданности, пацан тоже. Но Грач не сделал ничего. Улыбнувшись еще шире, он двумя пальцами поднял нож перед собой.

– Я мог вам всем глотки перерезать и свалить. Не стал только вон из-за него, – не глядя на меня, Грач кивнул в мою сторону. – Так что скажи своему водиле спасибо. Сегодня ты во второй раз родился. Запомни этот день, сопляк. И в следующий раз обыскивай получше. Кто-нибудь другой колебаться не стал бы.

А потом просто выронил нож, и тот шмякнулся об асфальт.

Кто-то в отделе через окно увидел происходящее, и через секунду из отдела вывалились сразу трое с автоматами. Грача повалили на землю и отпинали как следует, нож подняли, а потом скрылись всей толпой. Я знал, что Грачу достанется еще и там.

Все это время пацан стоял, разинув рот, бледный, даже какой-то пепельно-серый. До него доходило, что всю дорогу до ОВД он был наедине с преступником, совсем недавно подстрелившим продавщицу в магазине – и все еще вооруженного. Когда осознание окончательно настигло пацана, он зажал рот и, с трудом пытаясь сдержать рвотные позывы, побежал за угол...

...Это было 10 лет назад. И вот сейчас я увидел Грача снова. Не исключено, что все эти 10 лет он сидел.

Но Грач, кажется, не увидел меня. Слишком быстро отвернулся. Нет, я был уверен, что он меня не разглядел. Кто в супермаркетах и торговых центрах вообще смотрит на слоняющихся взад-вперед охранников? Да никто.

Поэтому уже через полчаса я выбросил всю эту историю с Грачом из головы.

Остаток дежурства прошел спокойно. Мы работали с 10 до 10, по 12 часов – столько же, сколько работал и сам торговый комплекс «Таун Плаза». На город уже опускались сумерки, когда мы со Стасом вышли на парковку. Обычно я подвозил его, потому что напарник жил по пути. Так было и в этот раз. Потом по дороге домой я заскочил в магазин, чтобы купить кое-что из еды и пиво на вечер. Все, как всегда.

Было почти 11 вечера, когда в дверь позвонили. С початой бутылкой в руке я отправился открывать. В глазок даже не посмотрел, потому что был уверен, что это сосед Толян. В такое время ко мне прийти мог только он.

За дверью стоял Грач.

Он сухо улыбался и смотрел мне в глаза. Очевидно, наблюдал за реакцией. Реакция, конечно, была – я чуть не выронил бутылку.

– Здорова, сосед.

Я не знал, что ответить, поэтому сказал:

– Грач.

– Не спрашиваешь, как я тебя нашел?

– Не все еще мозги пропил.

Грач кивнул на бутылку в моей руке:

– Ну да, говорят, мозги не пропьешь. Так говорят алкоголики перед тем, как окончательно превратиться в обезьян.

И захохотал, довольный своей шуткой. Я – нет. Отсмеявшись, Грач посерьезнел. Мы все еще стояли в дверях и глазели друг на друга.

– Что, внутрь не пригласишь?

– Зачем?

– Хм, – отозвался он. – А мы ведь знакомы с детства. Ну и плюс когда-то я тебе жизнь спас.

– Не спас, а не отнял.

– Разве это не одно и то же?

– Что ты хотел?

– Войти-то, может, предложишь? Или боишься, е-мое?

Я поколебался, но все же отступил в сторону, пропуская его. В этой квартире Грач не был никогда. Как и я в его. Он косился по сторонам, разуваясь. Я знал, что интерьер не мог впечатлить никого. Самая обычная двушка – со старой мебелью, старыми обоями и старыми полами. Времена, когда здесь каждые три-четыре года переклеивали обои, ушли вместе с родителями.

– Угостишь?

Почему бы и нет. Я достал из холодильника еще одну бутылку пива. Открыл. Грач сделал большой глоток и крикнул от удовольствия.

– Холодненькое... А помнишь, как мы совсем сопляками были. В песочнице играли. Мне лет восемь, наверное, было, а ты вообще зеленый. И ты у меня солдатику спер. А потом за домом прятался, когда я тебя искал. Помнишь?

Я не помнил ничего такого. Наверное, был слишком маленький. Или же Грач все выдумал.

– Вряд ли такое было на самом деле.

– Было, было, – хмыкнул он. – Знаешь, в чем фишка каждого человека? Мы запоминаем только истории, в которых мы ведем себя хорошо. Если мы когда-то сделали что-то неправильное, наша память старается избавиться от этого. Не вяжется с нашим образом. С тем, как мы себя изнутри видим.

Я вздохнул, начиная раздражаться и вообще терять терпение.

– Грач, ты пришел о детстве повспоминать?

– Расслабься ты. Почему бы и не повспоминать. Тогда мы были просто детьми. До того, как пришлось выбирать свою дорожку.

– И ты стал бандосом.

– А ты... Кстати, видел тебя сегодня в Доме Быта. Ты ведь меня тоже заметил, да?

– «Таун Плаза». Это теперь так называется.

– Да пофиг, хоть мавзолеей. Что, поперли тебя из ментуры?

– Сам ушел, – соврал я. – Надоело.

Грач покивал. И собрался уже что-то сказать, но я его опередил:

– Слушай, Грач... В детстве мы никогда не общались. Потом, когда я стал ментом, это окончательно перестало иметь смысл. И вот сейчас ты здесь. Зачем?

– Не терпится, да?

– На вопрос-то ответь.

– Да расслабься ты. Курить у тебя можно?

Я пожал плечами. Грач понял это правильно, поискал глазами пепельницу, снял ее с подоконника, поставив перед собой, и закурил. Я последовал его примеру. Мы курили и тянули пиво в тишине, пока Грач не соизволил ее нарушить.

– Одному человеку нужна помощь кое-какая.

– Сочувствую.

– Он бизнесмен. Не вор и не авторитет, если ты об этом подумал.

– Я ни о чем не подумал.

– И у него деликатная проблемка.

– В городе есть анонимные венерологи.

– Никакого криминала.

– Послушай, Грач, – не выдержал я. – Я еще в детстве никогда не лез ни в твои дела, ни в твои интересы. Мы жили каждый сам по себе. И знаешь, что? Я думаю, это было правильно. А еще я думаю, что менять устоявшийся порядок сейчас – не самая хорошая идея.

– Может, выслушаешь?

– Я бы с радостью. Только не хочу.

Грач помолчал, приложился к бутылке. Затушил сигарету. И снова затянул свою волынку:

– Всего пара вечеров. Никакой засады, никакого подвоха. Никакого криминала. Человек готов заплатить нормальные деньги.

– Грач, ты сколько раз сидел? Два? Или я что-то пропустил, и уже три? Так или иначе, ты без пяти минут рецидивист. И когда ты говоришь «никакого криминала» – уж прости, но я не хочу проверять, так это или нет.

Тот покачал головой.

– Выслушай хотя бы.

– Уже выслушал. Мне не интересно. В эти игры я не играю.

– Твою же мать, – протянул Грач. – Слушай, чувак. Да, мы не общались никогда. Может, оно и к лучшему. Но я своих никогда не подводил. Ты для меня не чужой. Помнишь тот вечер, когда твои меня взяли? Я ведь мог уйти. Но не сделал этого. Потому что там был ты. А ты – свой. Можешь считать меня, кем хочешь, но свои представления о понятиях у меня есть. О том, что хорошо, а что плохо. Как поступать можно, а как нельзя. Подставлять никого я не соби-

раюсь. И если я говорю, что там все чисто, значит, так оно и есть. Ты посмотри, – он кивнул на старую плитку кухонной стены, – в золоте ведь явно не купаешься, а? Что, деньги тебе лишние?

Оказывается, он мог говорить очень убедительно.

– У какого-то бизнесмена какие-то проблемы, – нехотя сказал я. – Ты почему-то пришел ко мне. Так сам помоги. Заработаешь денег. Что, деньги тебе лишние?

– Сказал же, ситуация деликатная. Я работаю на этого коммерсанта. Охранник. Не смотри на меня так, – да, я охранник. Типа телохранителя.

Я нахмурился.

– Ему какая-то опасность угрожает? Идите к ментам.

– Никакой опасности. У него есть баба. Эта баба, само собой, меня знает. В этом и проблема. Моему хозяину кажется, что его баба ему изменяет.

– Частный детектив, – пожал я плечами. Грач в ответ посмотрел на меня, как на чумного:

– Ты сейчас серьезно или прикалываешься? У нас частные детективы все бывшие менты.

И все со знакомыми среди ментов, которые все еще менты. Сплетни сразу разлетятся. А заказчик – человек известный. Ему шум нафиг не нужен.

– Я тоже бывший мент.

– Ты не частный детектив. А еще тебя я знаю. Мы росли вместе, помнишь?

– Грач...

– Двести штук, – ввернул он.

– Что?

– Он платит двести штук.

Я не мог поверить. Это были... Черт, это была моя совокупная зарплата за десять месяцев работы. Почти год работы. Год!

– Рублей? – глупо уточнил я.

– Всего пара вечеров, и двести штук твои. Никакого подвоха. Просто есть один богатый бизнесмен, который хочет знать, изменяет ему баба или нет.

– Двести тысяч – рублей?

– Я больше не знаю, к кому обратиться. Увидел тебя сегодня... и в голове как щелкнуло.

Вот, кто нам нужен, подумал я.

– Двести тысяч рублей, – повторил я.

Почти гараж, о котором я так долго мечтал. Или даже новая машина – вместо моей, которая служила мне верой и правдой черт знает сколько лет и работала, будем говорить правду, из последних сил.

– Двести штук, – подтвердил Грач еще раз. – Если договоримся, половину получаешь сразу. Пара вечеров, и все, – и на всякий случай повторил, догадываясь о природе моих сомнений: – Никакого подвоха.

– За такие деньги... Черт, за такие деньги нафиг ему вообще эта его баба?

– Любовь зла. Сам знаешь. Ну, так что скажешь?

Я колебался. Хотя, наверное, колебался исключительно для виду. Если все это правда... Черт возьми, двести тысяч рублей были для меня целым состоянием.

– Кто клиент?

– Э, э, – нахмурился Грач. – Я же сказал, это уважаемый типа бизнесмен. Ему никакая огласка не нужна. Тебе не обязательно...

– Обязательно. Огласка не нужна? Понимаю. Но потому ведь ты и приехал ко мне, а не к какому-нибудь частному детективу. Я никому не буду трепаться. Но это мои условия. Хотите, чтобы я последил за барышней – не вопрос, я это сделаю. Только сначала поговорю с этим коммерсантом лично.

Грач колебался. Потом достал телефон и вышел из комнаты. Допивая свое пиво, я слышал, как он бубнит что-то неразборчивое в трубку. Что именно, я не слышал, Грач говорил тихо. Через пару минут он вернулся и кивнул:

– Шеф согласен. Можем встретиться прямо сейчас. И если все пучком, прямо сейчас ты получишь аванс. Ну что, поехали?

Позже, вспоминая эти минуты, я проклинал себя последними словами. Где было чутье, где была хваленая интуиция, которой я одно время – хотя бы во время службы в органах – гордился и даже козырял? А нигде. Их заткнуло предвкушение денег. Больших и почти халявных денег.

Помните поговорку про бесплатный сыр и мышеловку? Это правило, и из него не бывает исключений.

Грач был на машине. Внедорожник черного цвета. За рулем полный мордастый здоровяк, что-то жующий. Он смерил меня взглядом. Грач бросил ему что-то, после чего кивнул мне и сам забрался в автомобиль. Я последовал его примеру.

Пришлось забеспокоиться, когда мы направились к объездной дороге, окольцовывающей наш город. Но за его, города, пределы мы так и не выехали, а свернули к последнему строению перед тянувшейся вдоль трассы лесопосадки. Строением был одноэтажный недострой из бетонных блоков. На этом месте когда-то хотели что-то построить, строили, строили, и, как говорится, чего-то приуныли. Этот бетонный скелет был здесь, сколько я себя помню.

– Подождем пару минут, – сказал Грач. На моем лице было, скорее всего, написано все, что я думаю по поводу места встречи, потому что Грач хмыкнул: – Да не дрейфь ты. Шеф тоже в таких делах не мастер. Шпионских фильмов насмотрелся, походу. Могли ведь спокойно и в кафешке какой-нибудь встретиться, правильно?

– Наверное, он много их смотрит.

– Чего?

– Шпионских фильмов. Посоветуй ему какие-нибудь комедии, что ли. Лучше встречаться в цирке с клоунами, чем в такой дыре.

Автомобиль подъехал минут через пять. Это был дорогой «мерседес» представительского класса, лощеный, черный, солидный и дорогой. С заднего сиденья вышел человек. Грач вопросительно посмотрел на меня. Я понял намек и тоже вышел.

Человек оказался лощеным, как и его машина, мужчиной. Лет 45. Зализанные волосы. Дорогой костюм. Пара золотых печаток на пальцах.

– Прогуляемся, – сказал он.

Мы двинулись вокруг недостроя. Повсюду был гравий, и камешки хрустели под ногами, как хор простуженных лилипутов.

– Эт самое, – подал голос заказчик. – Можете называть меня Николай, эт самое, Владимирович.

Я тоже представился. Заказчик чувствовал себя неуютно и не знал, с чего начать. Я ему помог наводящим «Я вас слушаю».

– Наверное, про мою проблему вам уже, эт самое, рассказали. Так вот: у меня есть жена. Я подозреваю, что она, эт самое, гуляет налево с одним... человеком. Изменяет мне, понимаете?

– Сочувствую.

– Но я хочу знать точно, так это или нет. Ситуация деликатная, эт самое. Мы сейчас разводимся.

Я удивился:

– Тогда зачем вам знать, изменяет она или нет?

– Ну, эт самое... козыри. Если я буду знать, что она мне, эт самое, изменяет, у меня будут козыри. Раздел имущества и все такое.

– Значит, вы хотите, чтобы я за ней проследил.

– Не за ней.

Я покосился на странного человека с зализанными волосами.

– Не понял сейчас.

– Не за ней. За ним.

– Ваша жена – он?

Заказчик поспешно замахал руками, испугавшись мысли, что я мог так о нем подумать.

– Нет-нет. Нужно проследить за тем, с кем... эт самое... с которым она мне изменяет.

Ну, или нет. Нужно убедиться.

Я нахмурился, пытаюсь сообразить, что вообще происходит. Но так и не сообразил.

– Погодите. А вдруг она изменяет, но с кем-то другим? Было бы логичнее наблюдать именно за ней.

– Нужно не за ней.

Странная встреча на развалинах на окраине города. Станный заказчик, который не может связать двух слов. Станный посредник в лице как минимум дважды судимого Грача. Я обдумал ситуацию и покачал головой.

– Не пойдет.

– Что?

– Я не возьмусь за это. Мне не нравится ваша история. Найдите кого-нибудь другого.

Заказчик потербил лацкан костюма, его глаза забегали. Наконец он решился и снова открыл рот:

– Ладно. На самом деле все, эт самое, не совсем так. Все чуть сложнее. Мы разводимся, это правда. Но мне, эт самое, вообще все равно, спит она с кем-то или нет. Мне плевать. Но я должен знать, что за моей спиной ничего не плетут... – заказчик вздохнул. – У меня есть бизнес. Крупный бизнес. Мы владеем им напару с моим, эт самое, старым партнером. И в последнее время у нас возникли, эт самое, разногласия. А тут еще и развод... Вы знаете, что такое развод?

– Читал в книжках.

– Это раздел совместно нажитого, эт самое, имущества. А значит, и доля в бизнесе... тоже пополам. Если они плетут что-то за моей спиной, то после развода они могут создать, эт самое, что-то типа альянса. У них будет 75 процентов уставного капитала, у меня только 25. Я не буду иметь права голоса в собственной фирме. Выдавить меня из бизнеса будет, эт самое, делом техники.

Теперь все звучало складно. Вот причина, по которой заказчик боялся идти к частным детективам. Что помешает бывшему менту, в силу новой профессии привыкшему наживаться на чужих секретах, сложить дважды два, а потом пойти к партнеру этого человека с зализанными волосами и – наверняка задорого – продать информацию? Тогда партнер успеет сделать шаг на опережение, чтобы все-таки вытеснить из бизнеса надоевшего компаньона. В этом и был цимус. Любовь и душевные муки были не при чем – на кону просто стояли большие деньги.

– Так что скажете?

– Теперь понятно, – кивнул я. – Сразу бы так и сказали.

– Вы возьметесь?

– Что именно вы хотите?

Заказчик оживился.

– Наблюдать за его домом. По вечерам. Во сколько приезжает, во сколько уезжает. Кто приезжает к нему. Записывать номера всех, эт самое, машин. Это главное. Фотографий не нужно, только номера машин. Если он сам решит ехать куда-то на ночь глядя, нужно будет проследить. Они могут встречаться не у него, а на нейтральной, эт самое, территории.

– Два вечера?

– Два вечера.

– Срок короткий. А если в эти два вечера они по каким-то причинам не станут встречаться?

– Станут. Я якобы, эт самое, уезжаю по делам на два дня. В командировку в Москву. Так что еще как станут. Как видите, работа, эт самое, непыльная. Вы возьметесь? Поймите чисто по-человечески. Для меня важно знать, угрожает мне что-то или нет.

Два вечера. Всего два вечера – и у меня на руках окажутся целых 200 тысяч. Огромные деньги, которыми я смогу распоряжаться, как угодно. Гараж. Или новая машина. Я даже смогу положить деньги в банк и заполучить счет на круглую сумму, о котором всегда мечтал, но которого у меня никогда не было. Море возможностей. А на другой чаше весов – всего лишь два вечера.

– По рукам, – сказал я.

– Вот и отлично. Вот и, эт самое, договорились. Аркадий даст вам, эт самое, все необходимое. Адрес, фотография моего партнера, адрес. Да, и ваш аванс. Сто тысяч рублей, как договаривались. Остальное через два дня. Спасибо.

Протараторив это, заказчик кивнул мне на прощанье и поспешно зашагал назад. Удивленный, я направился следом. Когда я вывернул из-за угла бетонного долгостроя, «мерседес» заказчика уже вылетел на пустынную улицу и, стремительно набирая скорость, рванул к объездной.

Мордастый водитель нашего внедорожника опять что-то жевал. Он был из тех, кому постоянно нужно в себя что-то впихивать. Что это было – зависимость от еды, диабет или какая-то форма наказания себя – я не знал, что это жевание раздражало. Я сел на заднее сиденье, и мордастый тронул кнопку зажигания.

По пути назад Грач обернулся:

– А помнишь тот день. Когда вы взяли меня там, около парка. Пацанчик, который с вами был, лопухнулся. Плохо меня обыскал и не заметил нож.

– Сложно забыть. Ты постоянно напоминаешь.

– Что с ним стало-то, с тем пацанчиком? Усвоил урок?

Я поколебался, но все же отозвался:

– Да, усвоил. Он уволился через пару недель. Ничего не объяснял, просто в один день взял и исчез. Больше я его не видел.

Все произошло, как и договаривались. Грач оставил меня дома с конвертом, в котором были 20 пятидесятирублевых купюр – мой задаток – и фотография объекта с адресом, написанным карандашом на оборотной стороне снимка.

Объект представлял из себя плотного, остроносого и круглолицего человека с короткой стрижкой. Уверенный взгляд, волевой подбородок. Эдакое воплощение здоровья, успеха, деловитости и характера. Когда смотришь на таких, поневоле думаешь – эх, а ведь таким мог бы стать и я. Но почему-то не стал. И сразу хочется переключиться и начать думать о чем-нибудь еще. О политике там или о погоде.

В «Таун Плаза» мы со Стасом работали по привычному графику – через день. Это означало, что завтра у меня выходной. А вот послезавтра нужно было заступать на дежурство. Однако 100 тысяч в кармане перевешивали какое-то там дежурство. И выход у меня был. Назавтра первым делом – а я, знаете ли, очень ответственный, когда речь заходит о работе, и всегда таким был – я позвонил сменщику. За ним числился должок: пару месяцев назад я подменял его, и он обещал отплатить тем же, когда мне приспичит. Сейчас – приспичило. Сменщик по телефону не выразил восторга, повздыхал, но уговор есть уговор.

Итак, впереди у меня два свободных дня. Выполняю работу, получаю вторые 100 тысяч рублей – и можно продолжать жить, как ни в чем не бывало, только теперь в будущее можно будет смотреть чуть увереннее.

Затем я сбегал в банк и положил на свою зарплатную карточку весь задаток целиком. Было желание купить себе что-нибудь эдакое, поддавшись секундному порыву, но я знал, что это кривая дорожка.

А около 5 часов вечера я отправился по адресу, который дал мне Грач.

Объект обитал на южной окраине города, в коттеджном поселке. Здесь обитали сильные мира сего: крупные бизнесмены, директора предприятий, а также депутаты, чиновники и прочие «слуги народа» – в общем, все те, кто мог позволить себе потратить на особняк свалившиеся на него 20—30 миллионов рублей. Раньше я бывал здесь буквально пару раз, да и то давно. Подобные места мне не нравились тем, что на фоне дорогуших домов, где обитали богатые люди, особенно остро чувствовалась собственная никчемность.

Машину я поставил в 50 метрах от дома объекта, заглушил двигатель и принялся наблюдать. У меня с собой было все необходимое: термос с кофе, сигареты, и даже – уж простите за интимные детали – пластиковая бутылка, чтобы было, куда отлить. Потому как, если я решу пристроиться к чьему-нибудь газону, может случиться, что за этим газоном пасет камера наблюдения, и в итоге закончится все как минимум оглаской и скандалом, а как максимум – вообще задержанием. А оно нам надо?

Объект обитал в двухэтажном особняке, спрятавшимся за высоким каменным забором. Непроницаемые металлические ворота закрывали въезд в огромный, вне всяких сомнений, двор. У ворот висела камера наблюдения, которая была нацелена на асфальтовую подъездную дорожку.

Хозяин дома появился около семи часов вечера. Он передвигался на черном «ауди». Автомобиль подкатил к воротам, после чего из-за руля выскочил совсем другой – не тот, что на фотографии – тип. Водитель, сообразил я. Тип распахнул заднюю дверцу и выпустил своего хозяина. Объект был в костюме и с кожаным портфелем в руках. Он направился к двери и скрылся за нею. А вот водитель не стал загонять «ауди» во двор – вместо этого он развернул автомобиль задом к воротам, вышел и закурил.

Мне это не нравилось. Здесь, в коттеджном поселке, было совсем не так, как в основной части города. Мало машин, и все дорогие. Никто не парковался у обочин, потому что у каждого были свои особняки. Моя старенькая машина казалась здесь бельмом на глазу. И, если водитель будет постоянно отираться снаружи, мое присутствие может вызвать у него какие-нибудь подозрения.

Но все обошлось. Водитель покурил, позвонил куда-то, а потом скрылся во дворе дома. Еще через полчаса он сел за руль и исчез.

Через час подъехал автомобиль с символикой ресторана, и два человека вынесли аккуратно и красиво запакованные свертки с едой. Объект открыл им сам, расплатился и позволил занести заказ внутрь. После чего доставка укатила прочь, оставив меня наедине с коттеджем.

На всякий случай я записал номер автомобиля доставки и сделал приписку, поясняющую, кто это. За 200 тысяч рублей можно было расстаться.

Когда стемнело, в окнах коттеджа вспыхнул свет. Загорались то одни, то другие окна, демонстрируя, что объект перемещается по своим владениям.

Я договорился сам с собой, что буду наблюдать за коттеджем ровно до тех пор, пока объект не ляжет спать. Было уже 11 вечера, но тот и не собирался укладываться, окна по-прежнему горели. Почему, стало ясно, когда на улице показался автомобиль. Объект ждал гостей.

Гость был лишь один. Щурясь, я разглядел вышедшего из машины невысокого и жилистого мужчину с седоватыми волосами и вытянутым лицом. Он чем-то смахивал на коня. Его встречал сам объект. Пожав друг другу руки, они скрылись на территории домовладения.

Было темно, и я физически не мог разглядеть номер автомобиля визитера. Пришлось выйти, пройти мимо и запомнить номер. После чего развернуться и снова пройти мимо, изоб-

ражая обычного прохожего. Конспирация на тот случай, если камера наблюдения над воротами захватывала и часть улицы.

Через полчаса жилистый мужчина с седоватыми волосами уехал. А еще через полчаса свет в окнах коттеджа потух.

Я издал возглас облегчения. Уже хотелось спать, а еще было желание уединиться в туалете. К тому же, затекла задница. Не привык я к многочасовым посиделкам в автомобиле. Поэтому я сразу же рванул домой. Половина работы сделана. Еще один вечер – и все.

Спал я, как убитый. Снилось что-то приятное про море и деньги. Как, все-таки, мало нужно для счастья. Кто-то сказал, что не в деньгах счастье. У этого человека наверняка с деньгами было все в порядке. Счастье и не в еде, но поголодай пару дней – и завоюешь от безнадеги и голода.

Утром меня разбудил звонок в дверь. Сонный, я уставился на будильник – часы показывали 7.45. Я поспешил открывать, решив, что это наверняка Грач. Но за дверью стоял сосед.

– Здорова, Серег. Не разбудил?

– Нет, конечно, – проворчал я. – Всегда хожу лохматый и в труселях. Мне уже и на работе говорят, мол, совесть имей, ходи как все. Но я ничего не могу с собой поделать, привычка.

– А?

– Чего тебе?

– Тут такое дело, Серега, – замычал Толян. – Займи мне полтос, а? Не могу, трубы горят, помираю совсем.

Знакомьтесь, это Толян. Без него история была бы неполной. Бывший военный, которого бросила жена, а сын отхапал доставшуюся от матери квартиру. Каким-то чудом Толян умудрился купить клетушку на первом этаже в нашем подъезде – бывшую лифтерную, переделанную под жилплощадь. Толян получал пенсию, но всю пропивал. Причем делал это быстро, за пару недель, а остальное время – пока снова не появятся деньги – Толян с несчастным видом слонялся по двору и стрелял «полтосы» у всех знакомых. Сейчас он представлял собой типичный образец опустившегося до полуживотного уровня представителя вида человеческого. Но мне было его жалко. Жизнь мужика, как говорится, побила и помотала. Не знаю, что я делал бы на его месте.

– Бухал вчера опять, – догадался я.

– Не могу, Серега, помираю! – Толян даже не слушал. – У меня рублей 20 есть. Похмелиться надо, или п...ц мне. Помоги, будь человеком, братан!

Все, как всегда. На моем пороге Толян нарисовывался с пугающей периодичностью. Деньги он никогда не отдавал, пользуясь, что мне его жалко. Способ избавиться от Толяна был только один – уступить. То есть, откупиться. Я вздохнул, взял с комода прихожей кошелек и выудил мятую купюру в 50 рублей.

– Спасибо, мужик, выручил! Я отдам, как смогу, ты ж меня знаешь!

– Знаю, – подтвердил я. Не отдаст никогда. Просто забудет. Проходили.

– Ты это, сам-то как? – для приличия осведомился Толян. – Нормально все? Может, того, по бутылочке?

– Не могу, мне на работу.

– А, ну все, понял. Тогда не мешаю. Спасибо, Серега, выручил! А то трубы горят – не могу, помираю...

Он бубнил заученные слова, пока не скрылся за лестничным пролетом.

До вечера я был свободен. Неожиданный выходной. Думать о том, как там Стас и как там «Таун Плаза», не хотелось. Я предпочитал думать о своем распухшем на 100 тысяч рублей банковском счете, который завтра пополнится точно такой же суммой. Это было гораздо приятнее. Мечтая, куда потратить – или наоборот, как сберечь и приумножить – скромную для кого-то, но огромную для меня кучу денег, я скоротал весь день. А в начале пятого вышел

из дома и отправился в коттеджный поселок. Припарковался, как и вчера, в полусотне метров от особняка – и стал ждать.

Сегодня объект вернулся в свой особняк чуть пораньше. Время прибытия – 17.25 – я старательно записал в блокнот. Объект с портфелем скрылся во дворе, а водитель остался покурить.

Пыхтя сигаретой, он бросил взгляд в мою сторону. Черт. Я склонил голову и сделал вид, что ищу что-то в бардачке, а сам исподлобья косился вперед. Водитель выбросил окурочек в урну, порылся в машине, что-то проверяя. И направился во двор. Но перед тем, как скрыться за тяжелой металлической дверью, снова посмотрел в мою сторону. Посмотрел внимательно. Не было сомнений – он вспомнил, что я ошивался здесь и вчера.

Черт побери.

Пораскинув мозгами, я пришел к выводу, что ничего страшного не произошло. Даже если он подойдет, можно соврать и сказать что угодно. Может быть, я такой же, как он, водитель? Вряд ли объект, а уж тем более его сотрудник, знают всех соседей, обитающих в своих замках за высокими заборами. Поэтому я не стал перегонять машину в другое место. Наоборот – откинулся в кресле и принял скучающий вид типичного водителя. Благо, опыта было, хоть отбавляй.

А потом произошло неожиданное. Примерно через час с территории особняка к черной «ауди» вышли и водитель, и сам объект. В костюме, с портфелем, с мобильным телефоном в руке. Водитель закрыл за ним дверь и уселся за руль. Мне везло – в мою сторону он ни разу не посмотрел.

Учитывая, что водитель мог меня запомнить, я соблюдал все меры предосторожности. Тронулся не сразу, а лишь после того, как «ауди» исчезла за поворотом. Они свернули направо, и я знал, что они направлялись по единственной улице, ведущей к выезду на трассу. Я даже дал им форы, чтобы водитель не срисовал меня в зеркало заднего вида раньше времени. Когда я свернул следом, «ауди» уже стояла у выезда на трассу, дожидаясь своей возможности вклиниться в поток движения.

Был вечер, час пик, и трасса была запружена. Это и помогало, и мешало. Мешало, потому что нужно было держать глаз остро. Помогало, потому что в таком интенсивном потоке автомобилей водитель должен был быть мастером, чтобы вычислить сзади меня.

«Ауди» направлялась в город. Я держался в 3—4 машинах позади, к тому же старался находиться в соседней полосе. Так мы добрались почти до центра, который в это время представлял собой сплошную пробку. Кое-как добрались до Пролетарской, и там «ауди» свернула к небольшой кофейне. Проползая мимо и гадая, где припарковаться, я видел в зеркале заднего вида, что объект вышел из автомобиля и шагнул к дверям кофейни.

Машину мне удалось приткнуть у обочины в десятке метров. Но что делать теперь? Заказчик может заартачиться, предъявив мне плохое выполнение своих обязанностей, если я не выясню, с кем встречался объект. Но не переться же в кофейню?

Выйдя из машины, я перешел через дорогу и по противоположному кофейне тротуару направился назад. Поравнявшись с кофейней, я сбавил шаг и принялся изучать окна.

Объект я обнаружил почти сразу. Он сидел за столиком у окна и пил кофе. Напротив него располагался мой вчерашний знакомый. Тот самый гость – невысокий и жилистый мужчина с седоватыми волосами и вытянутым лицом. Сейчас он внимательно изучал какие-то документы. Сомнений не было, они тут на деловой встрече, причем документы привез объект, чтобы показать своему визави.

Водитель скучал в припаркованной перед кофейней «ауди». Не желая искушать судьбу и снова попадаться ему на глаза – это будет полный провал – я быстро двинулся назад. Уселся за руль и стал ждать.

Ждать пришлось недолго. Через полчаса объект и его контактер вместе покинули кофейню. Пожали друг другу руки. У каждого был портфель. Вполне возможно, документы из портфеля объекта благополучно перекочевали в портфель визави.

По пути назад «ауди» свернула к огромному загородному гипермаркету. Парковка перед гипермаркетом была забита, и можно было не волноваться, что меня срисуют. Объект и водитель направились внутрь вдвоем. Вышли с полной тележкой покупок и покатали ее к автомобилю. Когда они перегружали пакеты в багажник, я разглядел горлышки винных бутылок. Наверняка дорогие. Объект явно ни в чем себе не отказывал.

Потом мы вернулись в коттеджный поселок. Уже стемнело, но на второй день своего пребывания здесь я неплохо ориентировался на этих улочках. Возвращаться на свой обычный пост я не стал и притормозил, не доезжая сотни метров до особняка объекта. Отсюда я видел, как водитель помогает ему перетащить пакеты в дом. После чего вышел один и сел за руль. Вспыхнули фары. «Ауди» тронулась и покатила в мою сторону.

Когда автомобиль проезжал мимо, я невольно сжался. Потому что водитель смотрел прямо на меня. Смотрел пристально и внимательно. А потом черный автомобиль скрылся за поворотом и исчез из моей жизни.

Не было никаких сомнений – меня срисовали. Я был хорошим водителем, но никогда не работал в наружке и не знал всех фокусов наружного наблюдения. И да, меня действительно срисовали.

Но заказчику было совсем не обязательно знать об этом. Ведь моя работа – закончена. Два дня, как и договаривались. Больше водитель объекта никогда меня не увидит, а вскоре и забудет.

С этими мыслями я возвращался домой. И там меня ждал сюрприз. Перед своим подъездом я увидел знакомый внедорожник черного цвета. Мордастый тип за рулем, любитель пожевать, и Грач.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.